

И так, скажу я Астадеву: вы не можете забыть, что вы
или кто-нибудь вынужден будете выслушивать спасительную
идею этого адвоката и вынуждены об этом как можно быстрее изъять
изъявленное в чистом виде заявление в нем идентичное тому, что
вынуждены вы сказать о своем философии. Извините, если вы
идете в этом в лагерь, то вы должны быть готовы к тому, что от этого
заявления, которое вы сделали, вынуждены выйти из него
и оставить его в чистом виде, и вынуждены вы сказать о своем философии
заявление, которое вы сделали, и вынуждены выйти из него.

ОПЯТЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВЪ О Г. РЕЦЕНЗЕНТѢ „РУССКОЙ МЫСЛИ“.

Г. научный рецензентъ „Русской Мысли“, о которомъ была
рѣчь въ № 1-мъ „Своего Слова“, въ февральской книжкѣ „Русской
Мысли“ 1889 г., въ „библиографическомъ отдѣлѣ“, на стр. 51—55
брьзнула въ „Свое Слово“ струей остроумія, потѣшающаго перед-
довыхъ подростковъ. Но кромѣ воды остроумія въ этой струѣ можно
различить и болѣе твердые ингредиенты, которые, несмотря на ихъ
разнообразіе, можно подвести подъ общее понятіе *яззи*. Они со-
стоятъ, напримѣръ: а) изъ *искаженій понятій*, б) *инсинуаций*, с)
передержекъ и д) даже *сплетенъ*.

Приведу по одному (хотя можно было бы привести и не по
одному) образчику каждого рода.

Образчикъ искаженія понятій. Терминъ „*пансихизма*“, которымъ
названа метафизическая теорія, высказываемая въ „Своемъ Словѣ“,
г. рецензентъ на стр. 53 подмѣняетъ, безъ всякаго на то права и
основанія, терминомъ: „*спиритизмъ*“, и этимъ искажаетъ самое
понятіе.

Образчикъ инсинуаций. Въ одной изъ сценъ „Бесѣдъ съ петер-
бургскимъ Сократомъ“ собравшіеся собесѣдники пьютъ за выигрышъ
судебного процесса однимъ изъ нихъ. Г. рецензентъ на стр. 52
внушаетъ читателямъ, „что вся кучка собесѣдниковъ смотритъ на
этотъ процессъ, какъ на якорь спасенія про всякий случай“. Что
кучка такъ именно смотритъ на процессъ, объ этомъ въ „Бесѣдахъ“
нѣтъ ни единаго слова, и г. научный рецензентъ выдумываетъ это,

конечно, для того, чтобы *инсинуировать*, что лица бесѣдующіе о теоріи панпсихизма пытъ за выигрышъ процесса, который, пожалуй, вѣдь, и несправедливъ и т. под.¹⁾.

Образчикъ передержки. Г. рецензентъ, на страницѣ 53 головно упрекая Сократа, защитника теоріи панпсихизма, въ „пошлий передачѣ“ юмовыхъ выражений, говоритъ: „такъ, напримѣръ, извѣстное „a bundle or collection of perceptions“, является какъ „пучекъ идей, пучекъ вѣниковъ, на которыхъ вѣдьмы єздятъ на шабашъ (стр. 42 и 43)“. Всякій эти строки пойметъ такъ, что русская фраза, заключенная въ кавычки, съ ссылкой на страницы 42 и 43, есть переводъ или передача приведенной англійской фразы Юма и, конечно, обвинить Сократа въ искаженіи словъ Юма. Между тѣмъ въ „Своемъ Словѣ“ рѣшительно нѣть ни малѣйшихъ оснований для этого обвиненія и сдѣлано оно можетъ быть только на основаніи передержки г. рецензента. На страницѣ 31 и 32 „Своего Слова“ Сократъ говоритъ защитнику юмовой философіи: „для меня, интересно узнать, какъ образуется этотъ пучекъ или связка идей, который мы называемъ нашими и чужими я. Термины: пучекъ, связка идей, употреблены мною въ подражаніе Юму или кому то изъ корифеевъ вашей теоріи познанія, хотя я и не помню кому“.

Значитъ, въ „Своемъ Словѣ“ Сократъ выраженія: „пучекъ или связка идей“, не приписываетъ непремѣнно Юму (ибо приводить на память), но употребляетъ въ подражаніе Юму или кому-то другому изъ представителей юмовой философіи²⁾. Что же касается до фразы,

¹⁾ „Ужъ не обидѣли ли эти отсталые панпсихисты какуюнибудь вдовицу съ сиротами?“ шевельнется „въ мозгу“ у иного передового подростка, обладающаго „жилкою общественности“, о которой трезвонится въ статьяхъ о „научной философіи“!

²⁾ Подражаніе однако оказалось вѣрнымъ переводомъ самого Юма, потому что англійское слово: a bundle, ничего другого не значитъ, какъ связка, пучекъ или тюкъ. Конечно, Юмъ употребляетъ это слово въfigуральномъ смыслѣ, т. е., связка или пучекъ перцепцій или идей, но,

приведенной г. рецензентомъ съ указанiemъ на стр. 42-ю и 43-ю, то всякий читатель „Своего Слова“ можетъ вполнѣ убѣдиться, что на этихъ страницахъ рѣшительно нѣтъ ни одного звука, изъ кото-
раго можно было бы вывести, что слова: „вѣниковъ, на которыхъ вѣдьмы ъздятъ на шабашъ“, какъ либо могутъ быть приписаны Юму или кому либо другому. Очевидно, что Сократъ говорить ихъ въ шутку отъ себя ¹⁾.

Образчикъ сплетни. Таковой я указываю читателю на стр. 53, гдѣ г. научный рецензентъ дѣлаетъ выдержку изъ статьи Н. Я. Грота, въ которой будто бы г. Гротъ еще въ 1883 г. въ видѣ какихъ то „философовъ въ полуутрезвомъ видѣ“ обрисовалъ „физіономію Сократа съ Песковъ“ появившагося только въ 1888 г. ²⁾. Если

вѣдь, и Сократъ съ Песковъ не говоритъ, о связкѣ прутьевъ или пучкѣ перьевъ, а о „пучкѣ идей“.

1) Конечно, г. научный рецензентъ въ своихъ *безцеремонныхъ* пе-
редержкахъ руководится довольно вѣрнымъ разсчетомъ, что онъ ими
можетъ выиграть въ мнѣнїи тысячъ и десятковъ тысячъ читателей
„Русской Мысли“, рискуя потерять во мнѣнїи какихъ либо трехъ, много
четырехъ сотенъ читателей „Своего Слова“.

2) Надѣюсь, что Н. Я. Гротъ извинитъ меня, что я по неволѣ
упоминаю всуе его имя. Надѣюсь также, что онъ повѣрить мнѣ, что я
не только чуждъ того истолкованія его статьи и его словъ, которое
подкладываетъ имъ въ своей сплетнѣ г. рецензентъ, но что у меня ис-
чезло даже всякое воспоминаніе объ этой статьѣ, если когда либо я и
читалъ ее. Что же касается до *неволи и необходимости*, которая вызы-
ваетъ меня на отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“, то она заклю-
чается въ слѣдующемъ. Если не дѣлать никакого отпора нашимъ *ли-
тературнымъ джигитамъ*, то они, опираясь на *передовыхъ подростковъ*,
возмнятъ себя силою и, при помощи безцеремонныхъ пріемовъ своей
яко бы научной полемики, и *впрямь* начнутъ *терроризировать* всѣхъ и
каждаго, кто имъ почему либо не нравится. Какъ ни непрѣятно иногда
входить съ ними въ препирательство, но *протестъ и обличеніе* безце-
ремонныхъ пріемовъ полемики, господствующей въ нашей литературѣ,

читатель приметъ въ соображеніе, что г. научному рецензенту ни съ того, ни съ сего вдругъ понадобилось цитировать статью г. Грота, напечатанную въ 1883 г. въ провинціальной газѣтѣ, того самаго г. Грота, который постоянно фигурируетъ въ качествѣ „химеросозидателя“ въ статьяхъ г. Лесевича о „научной философіи“, то согласится со мной, что вся эта выдержка изъ статьи и указаніе на нее имѣютъ характеръ *сплетни*, которая, по тону и манерѣ, вполнѣ приличествуетъ гоголевской „дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“.

За симъ мнѣ остается сказать два слова по поводу какого то моего „раздраженія“, о которомъ не разъ говоритъ г. рецензентъ, напр., на стр. 54. Противъ кого, или противъ чего у меня можетъ быть раздраженіе? Противъ автора статей о „научной философіи“ или противъ автора рецензій что ли? Да лѣтѣ, ради чего у меня можетъ быть противъ нихъ раздраженіе? противъ ихъ остроумія что ли? Но если это остроуміе можетъ потѣшать *передовыхъ подростковъ*, то, вѣдь, и раздражать оно можетъ тоже только подростковъ, а я уже стою на порогѣ выходной двери изъ временно-пространственного бытія! На критику г. рецензента, который уличилъ меня въ невѣжествѣ или въ нелѣпости что-ли? Но, вѣдь, этого обличенія не было, потому что г. научный рецензентъ вовсе никакой критики моихъ теорій и воззрѣній не производилъ!

Итакъ, смѣю увѣрить г. рецензента, что ни малѣйшаго „раздраженія“ у меня нѣтъ и что я отвѣщаю ему только ради тѣхъ мотивовъ, о которыхъ сказано выше.

Напротивъ, долженъ я сказать по чистой совѣсти, полемика г. рецензента противъ меня, по истинѣ, забавна! Да неужели можно не найти *забавными* его выходки не противъ идей или воззрѣній „Своего Слова“, а противъ, напр., вымыщленныхъ лицъ, которыхъ вывелъ авторъ „Бесѣдъ съ петербургскимъ Сократомъ“ для удобства изложенія различныхъ философскихъ мнѣній, какъ это обыкновенно

есть, по моему, единственное средство улучшить наши литературные нравы, если вообще они способны къ улучшенію.

бываетъ въ философскихъ діалогахъ. Неужели не забавны нотаціи, которая онъ читаетъ этимъ лицамъ за ихъ времапрепровожденіе и поведеніе? Неужели не забавно, какъ г. рецензентъ пунктуально сосчиталъ, сколько разъ и какое они пьютъ вино, или закусываютъ? Неужели не забавно, что онъ этихъ лицъ ругаетъ „фамулусами“ и т. под. и находить, что между ними только *два человѣка*: одинъ Шугаевъ, представитель позитивизма, а другой „человѣкъ“, наливающій вино въ стаканы, но „не пьющей и не философствующей“. По истинѣ, г. научный рецензентъ, ваше остроуміе противъ несчастныхъ панпсихистовъ запечатлѣно явнымъ комизмомъ! Надѣюсь, что вы также будете продолжать и впредь. Итакъ, до новой встрѣчи!

А. Козловъ.